

Выше уже говорилось о том, что гиксосы познакомили Египет с лошадьё и боевой колесницей. В дальнейшем в египетской армии очень широко стали применять колесницы, и были даже созданы специальные отряды колесничих.

Иногда считается, что гиксосы ввели новый тип крепостей-лагерей, окруженных земляным валом. В Египте известно два таких лагеря: в Телль эль-Яхудие и в Гелиополе. Однако далеко не все исследователи склонны рассматривать эти развалины как остатки крепостей. Г. Шток предполагает, что это нечто вроде лагерей-загонов для лошадей и колесниц³⁶. Т. Севе-Седерберг, присоединяясь к мнению Г. Рике, считает эти остатки фундаментами храмов³⁷.

Что касается гиксосов, то египетская культура бесспорно оказала на них большое влияние. Не имея своей письменности, гиксосы быстро освоились с египетским письмом и стали передавать свои имена иероглифами. Как говорилось выше, гиксосские цари приняли титул египетских фараонов, называли себя «сынами Ра» и заключали царские имена в картуш. Многие гиксосы стали носить египетские имена.

Египетская культура и при иноземных владыках продолжала развиваться. Так, при царе Аусерра Апопи, на 33 году его правления, был написан большой математический папирус-задачник (так называемый пап. Ринд).

Очень важно то, что гиксосы не только восприняли некоторые черты культуры египтян, но и передали ее другим народам. По мнению акад. В. В. Струве, переняв иероглифическое письмо, гиксосы создали на основе египетского свой шрифт, позаимствовав у египтян принцип алфавита и внешний облик знаков. Образцы этого письма сохранились на Синае, и это так называемое синайское письмо стало прообразом финикийского, южносемитического и греческого алфавитов³⁸.

И. А. Ланус

МИНОМИНОЙСКАЯ НАДПИСЬ

В ВДИ, 1956, № 3, стр. 151—157 Ив. Глебов опубликовал «минойскую надпись», найденную в 1954 г. на древнем поселении в окрестностях г. Бургаса (рис. 1). «Надпись» вырезана, по сообщению автора, на «куске глины», имеющем форму правильной четырехугольной призмы размерами $7,9 \times 2,8 \times 2,2$ см.

Еще на докладе Ив. Глебова об этой «надписи» на заседании сектора эпиграфики и нумизматики Археологического института и Музея Болгарской Академии наук, состоявшемся 29 января 1955 года, я заявил, что дело идет не о минойской надписи, а скорее о культовом предмете, вероятней всего, схематической человеческой фигурке, вылепленной из глины. По моему мнению, фигурка эта относится к энеолитической эпохе в Болгарии, а не к эпохе бронзы.

21 июля 1957 года я имел возможность изучить эту глиняную табличку в Бургасском музее, где она хранится, и убедиться в правильности моего первоначального предположения.

Укажем некоторые существенные признаки, характеризующие эту табличку как схематическую человеческую фигурку, а не как глиняную призму с минойской надписью.

Фигурка моделирована очень неумело. Форма ее необычна. Впрочем, как известно, человеческие фигурки времен неолита и энеолита моделировались самым различным образом. Фигурки призматической формы известны были и в нашей стране — в Южной Болгарии. Такова, например, фигурка с древнего поселения на холме Топра Асар

³⁶ Н. Сток, ук. соч., стр. 73.

³⁷ Säve-Söderbergh, ук. соч., стр. 60.

³⁸ В. В. Струве, Происхождение алфавита, Пг., 1923, стр. 57 сл.

в с. Борец (Салалий), Пловдивского района, найденная в 1907 г. и находящаяся в Пловдивском археологическом музее (рис. 2) ¹.

Размеры этой фигурки приближаются к размерам фигурки из Бургаса. Она имеет 5,7 см высоты, 2—2,3 см ширины и 2,1—2,4 см толщины. Подобно бургасской фигурке, у нее гладко выровнена нижняя сторона, так что она может вертикально стоять. Да и по самой форме обе фигурки схожи — они изображают человеческое тело самым схе-

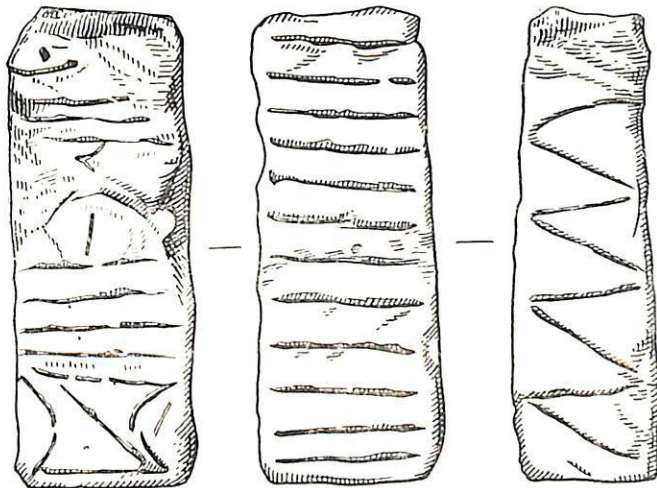

Рис. 1. Человеческая фигурка из глины, найденная в окрестностях г. Бургаса

матичным образом. Известны и другие человеческие фигурки призматической формы, но более позднего времени — эпохи бронзы, например, с о. Кипра ².

Фрагментарное состояние бургасской фигурки и недостаточные познания автора публикации в области фигурной пластики времен неолита и энеолита не позволили ему распознать признаки лица и другие отличительные черты фигурки, которые у нее имеются. Глаза представлены резкими дугообразными очертаниями. В особенности это относится к правому глазу, верхний край которого отбит. Зрачок его выражен ясно посредством ямки. Хорошо заметно и место левого глаза, который отбит точно по его вырезанным очертаниям. На его месте образовалась неглубокая выбоина.

Будучи введен в заблуждение кипрскими глиняными табличками с надписями, имеющими по краям знаки креста, автор принял за подобный же знак очертания правого глаза (см. ВДИ, 1956, № 3, стр. 152 и рис. 7 б) ³.

В сущности, именно этот мнимый маленький крест, вместе с некоторыми другими кажущимися чертами сходства фигурки с глиняными табличками, на которых имеются знаки минойских надписей, и заставил автора придумать эту несуществующую надпись. Остальные черты лица, исключая глаза, незаметны, но возможно, что они были обозначены или рельефом или раскраской.

Средняя часть фигурки сильно повреждена. Область груди украшена четырьмя врезанными горизонтальными линиями. Под ними был изображен опрокинутый половой треугольник. В настоящее время на его месте хорошо заметна врезанная вертикальная черта, упирающаяся в другую горизонтальную черту. Оба бедра полового треугольника почти исчезли в результате повреждений. Видно лишь самое начало правой стороны треугольника, которое автор не обозначил на рисунке. Заметно и то место, где находи-

¹ Б. Д я к о в и ч, Могилата Топра Асар при с. Салалий, ПСП, LXIX (1908), рис. 34.

² J. S c h n e i d e r - L e n g u e l, Griechische Terrakotten, München, 1936, рис. 1 и 2.

³ Рисунок выполнен неточно.

лась левая сторона треугольника. Автор объявил горизонтальную черту вместе с вертикальной чертой знаком минойского письма. Этот знак, однако, не имеет ничего общего с похожими на него минойскими знаками.

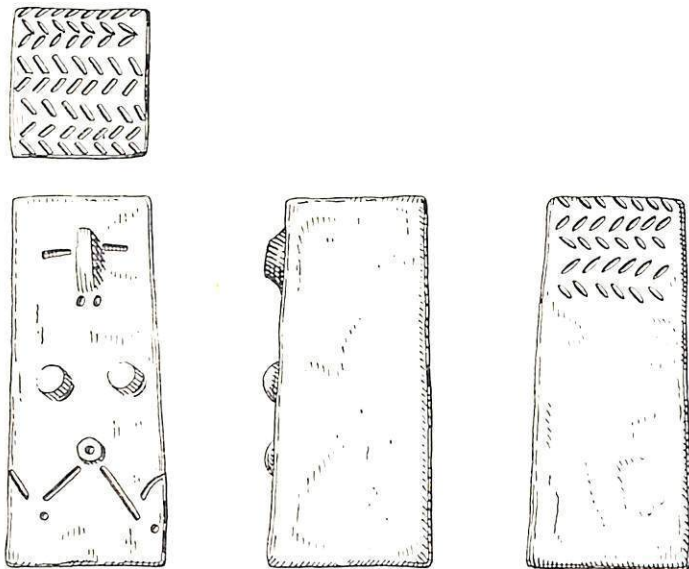

Рис. 2. Человеческая фигурка из с. Борец, Пловдивского района

Нижняя часть фигурки украшена тремя врезанными горизонтальными линиями. В самом низу помещен орнамент в виде прямоугольника, стороны которого вырезаны сегментовидно. Ноги фигурки трактованы суммарно. Таким же образом были трактованы нижние части многих человеческих фигурок⁴.

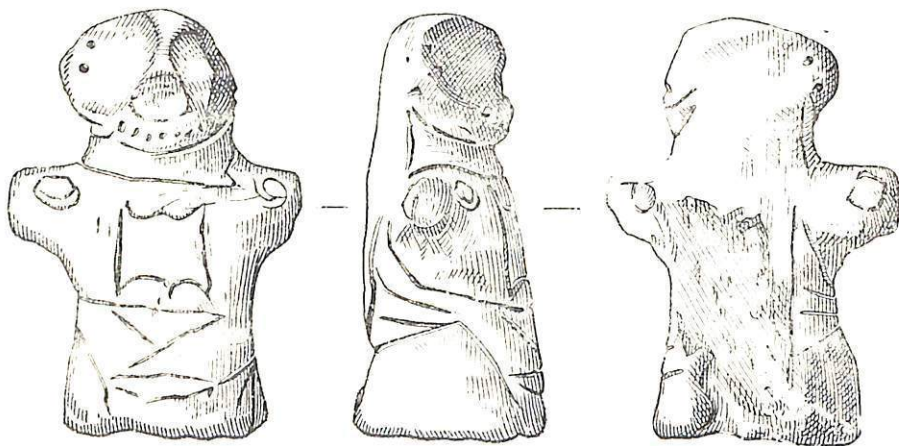

Рис. 3. Человеческая фигурка из с. Загорци, Новоагорского района

Следуя А. Эвансу, автор уподобил упомянутый орнамент пиктограмме медного слитка, каковые встречаются в большом количестве в Эгейском бассейне (там же, стр. 153 и рис. 3). Подобные орнаменты встречаются и на других человеческих фигурках,

⁴ В. М и к о в, Идолната пластика през новокаменната епоха в България, ИАН, VIII (1934), рис. 125 и 127.

так же как и на глиняных сосудах и других предметах эпохи энеолита ⁵. Таковы, например, человеческие фигурки из Загорци и Каранова, Новозагорского района (рис. 3 и 4) и из Кубрата ⁶, звериная фигурка из Старой Загорци (рис. 5), где подобный орнамент вырезан на груди животного. Этому орнаменту может быть придано декоративное или структурное значение, но он не является пиктограммой медного слитка.

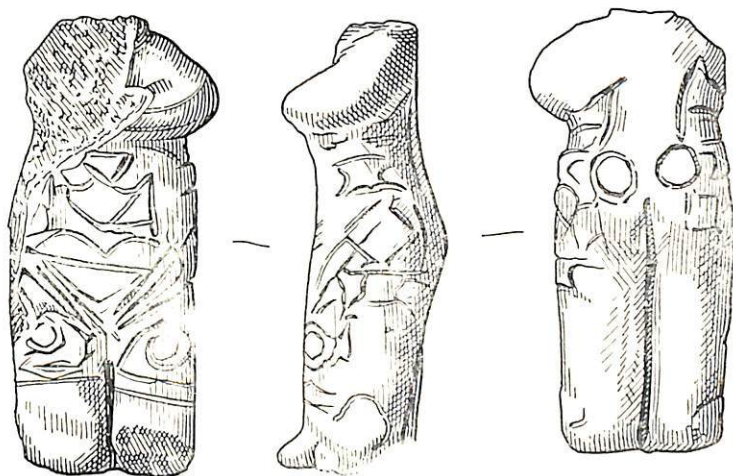

Рис. 4. Человеческая фигурка из с. Караново, Новозагорского района

В энеолитическую эпоху — время, к которому относятся упомянутые фигурки, в том числе и фигурка из Бургаса и звериная старозагорская фигурка, в Болгарии и на Балканском полуострове вообще медных слитков не было найдено, а поэтому было невозможно и их изображение.

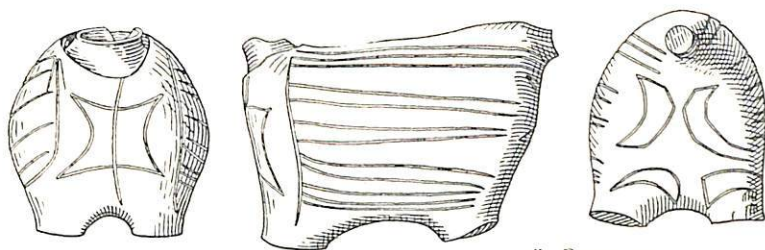

Рис. 5. Звериная фигурка из Старой Загорци

Медные слитки Крита и других мест относятся к эпохе бронзы. Следовательно, в данном случае не может быть речи об изображении пиктограммы медных слитков. Бессмысленны и рассуждения о весе этих слитков, с знаках, которые его выражают.

Двенадцать горизонтальных линий на задней стороне фигурки подчеркивают плоскостной характер спины фигурки и служат для ее украшения, а зигзагообразные линии, вырезанные по двум узким сторонам, имеют чисто декоративное значение.

Горизонтальные и зигзагообразные линии вообще являются обычными орнамен-

⁵ В. М и к о в, Предисторическое селище до Криводол, Врачанско, РП, I (1948), рис. 26а; изображение на глиняном грузике для ткацкого стана, ср. Н. А п е л о в, Селищната могила в Хотница, Сб. Д. Дечев, 1958 (в печати).

⁶ В. М и к о в, Идолната пластика..., рис. 128.

тальными мотивами в произведениях фигурной пластики и керамики в неолите и энеолите ⁷.

Глиняная табличка, как отметил и автор, имеет некоторые существенные отличия от табличек с минойскими надписями. Так, глиняная табличка из Бургаса лишена маленького отверстия в верхней части для подвешивания, которыми обычно снабжены таблички с минойскими надписями. В сравнении с критскими табличками бургасская табличка имеет совершенно другую схему расположения «надписи». «Надпись» находится лишь на одной из широких плоскостей таблички, тогда как у всех минойских письменных табличек призматической формы знаки надписи вырезаны на двух или более плоскостях таблички ⁸.

Могли бы быть указаны и другие существенные отличия глиняных табличек с минойскими надписями от бургасской таблички, однако это представляется совершенно излишним, так как уже и при поверхностном их сравнении несходство становится совершенно ясным.

В заключение подчеркнем, что выводы, сделанные Ив. Глебовым на основании несуществующей минойской надписи о связях Причерноморских областей с Эгейским миром до появления в этих местах греческих колоний, необходимо категорически отвергнуть.

Г. И. Георгиев

ПОНТИЙСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПЕРИКЛА

Наукой признано, что одной из основных вех на пути установления тесных экономических взаимоотношений между Афинами и Черноморским районом, равно как и преобладания Афин в этом районе, была так называемая Понтийская экспедиция Перикла. Несомненно, что результаты этого предприятия имели первостепенное значение как для Афинского государства, так и для всего Причерноморья, в том числе и для северных его районов, и в частности, для Боспорского государства.

Ввиду того, что Понтийская экспедиция служит основанием для широких и часто, как нам представляется, неосновательных выводов, ввиду того, что многое в ней спорно и неясно, целесообразным кажется ее повторное исследование ¹.

Единственным свидетельством о морском походе Перикла в Понт является известное место из Плутарховой биографии Перикла (Plut., Per., 20). Ввиду его важности думается, что нелишним будет еще раз привести указанный отрывок полностью. В нем говорится: «Войдя с большим, прекрасно снаряженным флотом в Понт, он (Перикл — *И. Б.*) выполнил все, о чем просили расположенные там эллинические города, и проявил по отношению к ним благосклонность (*φιλανθρωπία*); соседним же варварским племенам и их царям и династам он показал, как велики могущество, бесстрашие и отвага афинян, решающихся плыть, где им вздумается, и подчинивших себе все море. Синопейцам он оставил тринадцать кораблей под начальством Ламаха и воинов против тирана

⁷ М. Н о е р н е с, *Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa* ³, Wien, 1925, стр. 319, рис. 1а; Г. Г е о р г и е в, Н. А н г е л о в, Разкопки на селищного могила до Русе през 1948—1949 г., ИАИ, XVIII (1952), рис. 147 и 148; Н. П е т к о в, Гинова могила до Челопеч, Пирдопско, РП, I (1948), рис. 53; S c h n e i d e r-L e n g u e l, ук. соч., табл. 1.

⁸ E. C h a r o u t i e r, *Les écritures minoennes au palais de Mallia*, P., 1930, табл. III—IV.

¹ Об экспедиции Перикла см. M. D u n c k e r, *Des Perikles Fahrt in den Pontus*, SPAW, 1885, II, стр. 543, сл.; ATL, III, стр. 144 сл.

Тимесилея. Когда же тот (Тимесилей) был изгнан вместе со своими приверженцами, Перикл провел через народное собрание постановление, чтобы шестьсот добровольцев из афинян поплыли в Синопу и поселились там вместе с синопейцами, поделив дома и землю, которые раньше принадлежали тиранам».

Прежде всего возникает вопрос об источнике сведений Плутарха. На это не представляется возможности дать сколько-нибудь убедительный ответ². Однако необходимо подчеркнуть полное отсутствие даже намека на мероприятия Перикла в понтийском районе у такого добросовестного историка, каким был Фукидид, современник Перикла, оставивший подробное описание всей его деятельности. Едва ли этот факт можно считать случайным. Очевидно, Фукидид, как на это справедливо указал еще Дункер (ук. соч., стр. 543), не придавал особого значения этому предприятию. Исходя из сказанного выше, можно предположить, что сама по себе Понтийская экспедиция не занимала особо важного места в афинской внешней политике³, хотя результаты ее и имели первостепенное значение для Афинского государства. Факт умолчания Фукидидом о Понтийской экспедиции Перикла, как нам представляется, может иметь большое значение и для ее датировки.

До настоящего времени в науке нет единого мнения относительно времени Понтийской экспедиции. И это неудивительно, ибо единственный источник, из которого мы черпаем все сведения о ней — Плутарх, — не дает достаточного материала для ее точного хронологического определения. Единственным хронологическим стержнем, содержащимся в повествовании Плутарха, является упоминание Ламаха, который всеми исследователями с достаточным основанием отождествляется с известным стратегом, одним из афинских полководцев в экспедиции в Сицилию, где он и погиб в 414 г. до н. э.

До сих пор проблема определения возраста Ламаха к моменту его гибели была той отправной точкой, от которой отталкивалось большинство исследователей при попытках выяснения времени Понтийской экспедиции Перикла. Но, как видно, этот критерий является недостаточным для более или менее точной датировки экспедиции.

Различные ученые по-разному определяли дату рождения Ламаха, а исходя из этого и время экспедиции Перикла. Наиболее убедительна, с нашей точки зрения, аргументация Белоха⁴, который пришел к выводу, что Ламах мог родиться приблизительно в 470 г. до н. э. и, следовательно, не мог быть стратегом в Понтийской экспедиции под командованием Перикла ранее 440 г., т. е. до Самосской войны. Белох⁵, относит время экспедиции примерно к 437 г., связывая ее с основанием Амфиополя. Эта датировка с некоторыми модификациями принята большинством исследователей⁶.

² Д у н к е р (ук. соч., стр. 543) предполагал, что Плутарх опирался на свидетельство, почерпнутое из сборника псефисм Кратера. Высказывались также предположения, что источником Плутарха мог быть Эфор, см. Н. S a u p r e, *Die Quellen Plutarchs für das Leben des Perikles*, Göttingen, 1867, стр. 35, и возражения, что источником никак не мог быть Эфор, но скорее Феопомп. См. F. R ü h l, *Über die Quellen des Plutarchischen Perikles*, «Neue Jahrbücher f. Phil.», Lpz, 1868, стр. 664 сл. Однако все эти предположения относятся к числу недоказуемых и, насколько мне известно, в последнее время не делалось попыток выяснить источник Плутарха для интересующего нас пассажа.

³ Иного мнения придерживаются Ф. М и л ь т н е р (RE, XIX, 1, стб. 774) и Л. Н о m o, *Périclès*, P., 1954, стр. 188, которые полагают, что факт руководства экспедиции Периклом свидетельствует об огромном значении, придававшемся ей.

⁴ J. В e l o c h, *Die attische Politik seit Perikles*, Lpz, 1884, стр. 325.

⁵ J. В e l o c h, *Griechische Geschichte*, I, Strassb., 1893, стр. 503, сл., ср. II², 2, 1923, стр. 216.

⁶ G. В u s o l t, *Griechische Geschichte*, III, 1, Gotha, 1903, стр. 585, прим. 2; E. М e y e r, *Geschichte des Altertums*, IV³, Stuttgart, 1940, стр. 725, прим. 3—«вскоре после Самосской войны»; M. R o s t o w t z e f f, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxf., 1922, стр. 67: «в 435 году»; о п ж е, САН, VIII (1930), стр. 564: «между 437 и 435 гг.»;